

ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА И ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ

В. Гура

(Вологда)

В настоящее время остро встали вопросы не только состояния советской литературоведческой науки, но и преподавания литературы в средней и высшей школе. Вполне очевидно, что эти области связаны между собой.

Применительно к советской литературе удручающе слабо разработаны такие дисциплины, как источниковедение и текстология, что сказывается на отсутствии исправных текстов произведений выдающихся и рядовых советских писателей. Даже Горький не имеет полного академического собрания сочинений и писем. О таких писателях, как С. Есенин, М. Шолохов, М. Булгаков, А. Ахматова, А. Платонов, М. Пришвин и многие другие, и говорить не приходится. Предпринятые первые шаги в этом направлении заслуживают всяческой поддержки.

Нет у нас ни настоящих, отвечающих современным требованиям учебников, ни даже программы изучения советской литературы в средней и высшей школах с последовательно выраженной, научно обоснованной связью историко-литературного процесса и творческой индивидуальности писателя на каждом этапе. Разработка такой программы только начата кафедрой истории советской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова. Всем нам в связи с этим важно осознать, на мой взгляд, что одной из самых актуальных задач

нашей науки является изучение литературы во имя нашей общеобразовательной средней школы.

Сейчас открываются невиданные ранее возможности для постижения самого процесса объективного, подлинно научного осмыслиения литературы, ее закономерностей, совершенно нового прочтения произведений, свободного от догм и предписаний, на высоком профессиональном уровне, обретенном нашей наукой.

Но даже и эта "чистая" теория литературы во всей ее возможной стройности могла бы без промедления реализоваться в практике школьного изучения литературы. В крайне тяжелом положении находится методика преподавания литературы в средней школе. Многие годы в этой области велись различные поиски, но пока тщетно. Методике преподавания литературы в средней школе предстоит как можно ближе подойти к науке о литературе и, опираясь на нее, искать свои особенности преподавания в школе.

При рассмотрении историко-литературного процесса и личности художника возникает необходимость изучения многообразных теоретических и историко-литературных аспектов: личность и общество на основных этапах развития русской литературы, подъемы и спады в самом процессе, видовые и жанровые системы в связи с творческой индивидуальностью писателя, жизнь художественного произведения во времени, актуальность классического наследия опять-таки в соотношении со временем, а также взаимоотношения между высокой и массовой литературой как в прошлые времена, так и сегодня, взаимосвязи литературы с различными видами искусств (при этом нужно учесть особенности творческой

личности художника и характер их проявления в определенное историческое время).

Взаимообусловленность науки о литературе и литературной критики давно уже, на мой взгляд, не дискуссионная проблема. Настоящая, неподдельная критика, со знанием законов литературного развития, с хорошим вкусом и тонким чутьем, наконец, с аналитическим подходом к жизнеспособным процессам и явлениям не может жить без повседневной опоры на теорию и историю литературы, как бы ни хотелось некоторым критикам покрасоваться демонстративным размежеванием со всякой теорией, со всей литературоведческой наукой.

Литература определяет уровень развития критики. Вместе с тем уровень развития литературы во многом определяется уровнем развития литературной критики, ее взыскательностью в оценке современных литературных явлений, глубиной раскрытия их сущности и направления исканий литературы своего времени. Эти уровни литературы и критики в сущности должны бы совпадать, как стремится к одному уровню жидкость в сообщающихся сосудах, но такое, к сожалению, не всегда случается. Это был бы "идеальный уровень".

Что касается советской литературы, то трудно припомнить такие события в ее истории, когда литературная критика активно поддерживала бы что-то явно передовое, прогрессивное и занимала воинственные позиции в защите и утверждении новаторски выраженных явлений литературы. Даже дискуссия вокруг "Тихого Дона" М. Шолохова, проведенная вскоре после завершения романа, в своих оценках была далека от осознания

этого произведения. Да и сегодня еще можно услышать от нашей критики об одном из самых значительных явлений советской литературы нелепые суждения, граничащие с измышлениями.

Уже к концу 20-х годов над всеторжествующими групповыми пристрастиями окончательно возвысились всепобеждающие взгляды и крайне субъективные вкусы отдельной личности — "вождя народов", а в 30-е годы этими обстоятельствами определялись уже и судьбы не только многих писателей, но и сколько-нибудь приметных критиков (теперь известно, что в уничтожении друг друга немалую роль сыграли как те, так и другие). Кроме того, вульгарный социологизм, а также схематизм и догматизм сковали теоретическую мысль и особенно во взглядах на художественную форму, начиналась бездумная эксплуатация застывшей по меньшей мере на два десятилетия уставной формулировки социалистического реализма. Теперь же происходит нечто прямо противоположное: эстетические идолы, которым поклонялись, расшибая лбы, выбрасываются подальше.

Но прежде чем это делать, надо хорошенъко подумать, подвергнуть тщательному исследованию происходившие в литературе процессы складывания эстетического идеала.

Взаимодействие критика и читателя в современном литературном процессе в настоящее время, пожалуй, особое. Сегодня все мы — и критики, и историки литературы, и философы, и экономисты — прежде всего читатели, обращенные к публицистике, мемуарной литературе, политическим портретам и даже историческим исследованиям. Связанные с изображением

современности художественные произведения крайне редки. Журнальные страницы заполняются преимущественно произведениями, давно не публиковавшимися. Они порождены давно прошедшим временем и вместе с тем становятся особенностью современного литературного процесса.

Сегодняшние наши оценки, к сожалению, больше, чем когда-либо, субъективны, повышенно эмоциональны. Причем в наши дни слишком четко выразились и групповые пристрастия, они и в отправных позициях журналов, и в их публикациях. Откровенная групповщина — это особенно досадно! — имеется и в критике.

Совсем негоже противопоставлять критике читателя (так уже, к сожалению, бывало раньше и не единожды!), считать, что он лучше критика разбирается в литературных тонкостях, в политике, экономике — решительно во всем в сравнении с решительно никуда не годной критикой. Так просто не бывает, хотя каждому из нас известен и читатель, значительно более глубоко оценивающий литературные явления, чем иной, взращенный на догмах критик, да еще заблудившийся в дебрях групповой борьбы.

Когда создавали у нас в стране общество книголюбов, проблема воспитания читателя, как полагали тогда, должна была стать центральной в работе любителей книги, но этого не случилось, общество замкнулось в книжной коммерции, утратило свое посредничество между читателем и литературой. Аналогичная проблема остро встала и в связи с перестройкой преподавания литературы в средней и высшей школе. Правда, заговорили об этом глухо, робко, а вскоре ра-

зумные речи и совсем смолкли, хотя сегодняшний ученик завтра массовый читатель и его вкусы непременно скажутся на том, что будет происходить в литературе, и в какой-то степени определят основные магистрали ее развития.

Особый вопрос – взаимодействие писателя и критики. Упреков взаимных здесь хоть отбавляй, особенно в адрес критики со стороны писателей; упреки эти катятся прямо-таки снежным комом, все время нарастаю. Сегодня, как никогда, актуальна, на мой взгляд, и проблема нравственности писателя-современника. Омешанивание писателя, к сожалению, нередкое явление, а критика вторгается в эту область очень робко, ходит перед ним, можно сказать, на ~~вы~~пюпочках.

Историка литературы и критика всегда и прежде всего интересует проблема героя: насколько смог писатель отразить в образе героя типические черты и насколько они получили в нем цельное художественное воплощение. С решением этих проблем, как правило, связаны и поиски новых средств изображения современности. Вернее, новые формы рождаются в этих поисках.

Примат эстетического момента над философским в истории древней русской культуры отмечает академик Д.С. Лихачев (как известно, после князя Владимира склонились в пользу христианства потому, что сопутствующая христианству красота пленила их). Почему же современная теория литературы и критика в определении сущности литературного процесса не должны учитывать такой важный фактор, как художественная цельность литературного явления.

На каждом этапе развития литературы возникают, разумеется, свои особенности взаимодействия

вия содержания и формы, свои определяющиеся временем отношения с предшествующим этапом развития, с другими литературами. Только во всем красочном многообразии и становится ясно, что нового несет литература.

Личность и общество, коллектив и отдельная личность, индивидуальность, масса и герой — все эти проблемы решались отнюдь не однозначно и на пути к Октябрю, и во время революционных взрывов, и в процессе строительства нового мира. Однако чем выше поднималась над обществом фигура Сталина, тем ожесточеннее подавлялась вышедшая из низов народных и творящая историю личность; чем активнее утверждала наша эстетика примат коллектива над личностью, тем жестче в схеме социалистического реализма становилась проблема положительного, даже идеального героя. Но и в этих, крайне обострившихся в 30-е годы и послевоенное десятилетие, условиях крупнейшие советские писатели оказались в состоянии противопоставить мертвой схеме живой человеческий характер.

Надо признать положа руку на сердце — проблема героя в теории социалистического реализма разработана крайне схематично. Уставное положение — "воспитание трудящихся в духе социализма" — трактовалось преимущественно как воздействие силой примера, как идеализация героического характера. Критика наша и сегодня испытывает серьезные сложности в определении тех процессов, которые происходят в поисках современного героя и принципов его изображения.

Сказываются эти затруднения на произвольном толковании образов героев таких круп-

нейших современных писателей, как С. Залыгин, В. Астафьев, Ю. Бондарев, Ч. Айтматов, В. Быков, О. Гончар. Например, стоило только И. Дедкову заговорить о "рефлексирующем герое" в романе Ю. Бондарева "Игра", как наблюдение это вызвало крайнее раздражение: на критика набросились с обвинениями в непонимании сложности взаимодействия автора и его героя.

Сколько бы мы ни рассуждали сегодня о существенных особенностях литературного процесса и его оттенках, к сожалению, остаются все еще всесильными трафаретные подходы к выявлению определяющих этот процесс принципов: то мы представляем его как развитие по восходящей линии, когда за действительно существенными завоеваниями непременно следует целая гряда мнимых, во всяком случае, совсем не бесспорных вершин, то приходим к пониманию возможности и даже закономерности спадов в историко-литературном процессе, то рассматриваем литературные явления по тематическим пластам и во всей пестроте, отдавая преимущество изображению рабочего класса, хотя бы и без достижения художественной цельности, завершенности, значительности, то уходим от осознания доминирующего значения проблемы современности, то сосредоточиваемся на осмыслиении динамики исторических процессов в основном русле развития литературы, без учета многих других факторов, из совокупности которых и складывается общий облик процесса.

Может быть, прежде всего в связи с отсутствием четких критериев определения особенностей литературного процесса и нет у нас до сих пор сколько-нибудь приемлемой, научно обосно-

ванной периодизации развития советской литературы.

Справедливости ради следует признать, что в печати давно уже раздавались голоса, призывающие выделить в самом историко-литературном процессе лишь два этапа: до Первого съезда советских писателей и после него. Этот принципложен в основу школьного учебника под редакцией В.А. Ковалева. К такой периодизации сегодня склоняются все чаще, сохраняя внутри нее и старые периоды. В этом направлении работает и создающий программу советской литературы коллектив кафедры истории советской литературы МГУ. Однако при отсутствии традиций такой подход к изучению историко-литературных процессов внутри этих двух этапов еще не имеет достаточно веских аргументов.

Уже на исходе XX столетие, железный, по словам Блока, век с его научными открытиями, мировыми войнами, революционными взрывами, со смелыми поисками в искусстве и одновременно гибельными симптомами. Пришло время обобщений всего, что произошло в литературе и искусстве за все это бурное и тревожное столетие.

В сущности я уже не раз обращался в вопросу о роли творческой индивидуальности писателя в самом процессе развития литературы. Очевидно, что основное направление развития литературы, уровень ее достижений всегда прочно связаны с художественной значительностью вклада писателя в этот процесс, за которым нередко следует целая плеяда других художников (речь идет и о живописи, музыке, театре и кино).

Большой художник становится знамением своего времени, его подлинным выразителем и в конфликтах, и в характере героя, и в структуре повествования. Творческие особенности личности художника обусловливают направление поиска видовых и жанровых форм будущего произведения. Одним словом, творческая личность проявляется в литературном процессе многообразно и захватывает многие его сферы. Без учета ее истинного значения невозможно научное обоснование и принципов периодизации советской литературы.

Самые острые, взрывные моменты развития общества вызывают к жизни несколько типов художников — выразителей своего времени. Особенно заметно это в литературе кануна Октября и в первые послереволюционные годы. Во всяком случае, русская поэзия обогатилась столь яркими поэтическими индивидуальностями (А. Блок, В. Маяковский, А. Ахматова, С. Есенин), проявившими себя в раскрытии сущности революционных перемен. Не может быть забыт, на мой взгляд, и Д. Бедный как характерное порождение революционного времени.

Пожалуй, еще более значительные проявления творческой индивидуальности наблюдаются в прозе 20–30-х годов, несмотря на то что жестокость и произвол сковывали личность. Создалась, казалось бы, ситуация, совсем неблагоприятная для развития литературы. Тем не менее именно в то время сложилась целая плеяда писателей (М. Шолохов, Л. Леонов, М. Булгаков, А. Платонов, М. Пришвин), которые при разных отношениях к судьбам русской революции и строительству социализма по-своему

отразили сложнейшие коллизии жизни нашего общества, найдя различные содержательные и художественно значимые формы.

Наша наука, к сожалению, и сегодня не пришла к сравнительно-объективной оценке вклада этих писателей в развитие литературы 20–30-х годов. Каждого из них даже не пытались ставить в связь с литературой того времени и определить место в ней, а соотносили их творчество преимущественно с процессом развития социализма. Так поступали с Л. Леоновым, М. Шолоховым, К. Фединым, А. Твардовским. Ясно одно, взвешенный учет вклада художника в тот или иной период развития литературы дает в руки исследователя чрезвычайно важные аргументы: возможность точнее определить и особенность историко-литературного процесса и место художника в нем.

Немалые противоречия и сложности в литературе этих лет связаны с тем, что многие крупные писатели оказались оцененными субъективно, а к иным и не могло быть объективного подхода прежде всего потому, что значительная часть их наследия многие десятилетия оставалась неопубликованной, неизвестной широкому кругу читателей.

Несправедливо было бы обойти молчанием целое направление в развитии советской литературы с конца 50-х годов, уходящее корнями в народную крестьянскую почву (Ф. Абрамов, М. Алексеев, С. Залыгин, Е. Носов, В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов и др.). Искания этих писателей представляются настолько важными, что ими и теперь определяется основной путь развития современной литературы. Значительные успехи

достигнуты также военной прозой с ее социальными устремлениями и нравственно-философскими откровениями (Ю. Бондарев, К. Воробьев, В. Быков, Вл. Богомолов, Б. Васильев, В. Кондратьев и др.).

Нам еще многое предстоит пересмотреть, уточнить в свете нового мышления: как теоретические аспекты историко-литературного процесса и творческой индивидуальности, других актуальных проблем литературоведческой науки, так и практические навыки анализа живой современной литературы.

Результаты такого целостного подхода непременно будут реализовываться в нашей вузовской педагогической практике и, хочется верить, придут в самое ближайшее время в школу, приобщая юного читателя к проблеме современного литературного развития, воспитывая память сердца, милость и доброту, красоту чувств, поднимая гражданское достоинство и самую обычную человеческую культуру. И все это без назидания, а с помощью подлинно художественных открытий литературы.